

ИЗ ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РЕСТАВРАЦИИ И СТА ДНЕЙ: ГАЗЕТА «ЦЕНЗОР»

А.В. Гладышев

Печатная продукция, увидевшая свет в период Первой реставрации и Ста дней, была весьма разнообразна и многочисленна: «газеты, записки, брошюры, объявления и афиши, памфлеты самых разных направлений, как правило, отменно написанные»¹. Общественное мнение стало тогда весомой силой, с которой власти предпочитали считаться, а периодическая печать выступала главным его выразителем².

Бонапартисты, роялисты, республиканцы, либералы – все имели свои печатные органы³. Взаимные нападки различных «партий» почти не прекращались, судебные процессы в связи с публикациями множилось. Более того, помимо газет, все же вынужденных из-за цензуры (при режиме Первой реставрации) как-то сдерживать свой пыл, существовали еще и многочисленные брошюры, где мнения высказывались гораздо более резко.

Именно тогда в бесконечных политико-публицистических спорах о суги Хартии, о Дополнительном акте, о других насущных вопросах

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и истории международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

¹ Вильен Д. Сто дней или Дух самопожертвования. М., 2003. С. 21.

² В одной из статей «Цензора» читаем: «После долгого времени газеты стали одной из главных опор власти, одним из наилучших рычагов ее осуществления. Посредством них правительство стремится обнародовать свои мысли, которые быстро распространяются дальше и становятся известны всем партиям государства. Надобность в их получении, нетерпение, с которым их ждут, жадность, с которой их читают, должны обеспечить им большое влияние. Так как власть определяет их дух, она всегда может использовать это влияние выгодным для себя образом». Цит. по: *Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France : avec une introduction historique sur les origines du journal et la bibliographie générale des journaux depuis leur origine.* Genève, 1967. Т. 8. P. 87.

³ Например, органом бонапартистов был *Nain jaune*. Идеи «ультра» излагались на страницах *Quotidienne*, *Gazette de France*, *Journal royal*. Республиканцы издавали *Patriote de 1789* и *Le Père Nicolas, ami du peuple*. Либеральные идеи популяризовались через *Journal de Paris*, *Journal général de la France* Руайе-Коллара или немного более правую *Journal des débats* братьев Бертен (Bertin).

функционирования государственного механизма либерализм сформировался как отдельное политическое направление. Цель настоящей статьи – проанализировать содержание одного из либеральных изданий, привлекавшего наибольшее внимание современников, а именно – газеты «Цензор» (*Censeur*)⁴ Ш. Конта и Ш. Дюнуайе.

Почему именно «Цензор»? Некогда это была одна из ведущих газет эпохи⁵. И не только по своему объему, но, в первую очередь, по тому значению, которое она имела в обществе. Каждый выпуск «Цензора» становился событием для современников. Более того, О. Конт полагал, что из французской журналистики того периода именно «Цензор» больше других заслужил внимание последующих поколений⁶. И, действительно, признанный авторитет в истории французской прессы Атэн позднее отмечал, что «единственной действительно независимой газетой эпохи был “Цензор”»⁷.

Полное название газеты звучало как *Le Censeur, ou Examen des actes et des ouvrages qui tendent à détruire ou à consolider la Constitution de l'Etat*. Вдохновителем и редактором был Шарль Конт⁸, к которому со второго тома присоединился Шарль Дюнуайе⁹. Вокруг этих поначалу мало кому известных адвокатов сложился определенный круг интеллектуалов и политиков¹⁰, да и сами они были приняты в тот узкий

⁴ Мы предпочитаем русский аналог этого названия – «Цензор» – неказистой, на наш взгляд, кальке с французского «Сансёр», использованной переводчиком книги Д. Вильпена. См.: Вильпен Д. Указ. соч. М., 2003. С. 103, 196 с др.

⁵ См.: Harpaz E. «Le Censeur», histoire d'un journal liberal // *Revue historique de science humaine*. 1958. № 92. P. 483-511.

⁶ См.: Gouhier H. *La Jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme*. Т. 3. Auguste Comte et Saint-Simon. P., 1941. P. 408.

⁷ Hatin E. *Op. cit.* Т. 8. P. 82.

⁸ Франсуа Шарль Луи Конт (Comte) (1782-1837) – в дальнейшем станет постоянным секретарем Академии моральных наук.

⁹ Шарль Бартеlemi Дюнуайе де Сегонзак (Dunoyer de Segonzac) (1786-1862) – во времена Июльской монархии станет префектом Соммы, членом Государственного совета. С 1832 г. – член Академии моральных наук, с 1845 г. – президент Общества политической экономии. См.: Adenot R. *Les idées économique et politique de Charles Dunoyer*. Toulouse, 1907; Allix E. *La déformation de l'économie politique libérale après J.-B. Say: Charles Dunoyer // Revue d'histoire des doctrines économique et sociales*. 1911. № 4; Augello M. *L'assolutizzazione dell' economia politica liberale*. Дюнуайе в «Цензоре» принадлежат следующие статьи: De l'esprit public et particulier des fonctionnaires publics (Censeur. 1814. Т. 1), Sur l' «Essai sur désavantages politiques de la traite des nègres» de Clarkyon (Censeur. 1814. Т. 2), Des révolutions en général (Censeur. 1814. Т. 3), De la Royauté ou de la première magistrature de l' Etat dans une monarchie constitutionnelle (Censeur. 1815. Т. 5), Sur la brochure de M. de Lambrechts, intitulée: «Principes politiques» (Censeur. 1815. Т. 5), De la liberté de la presse (Censeur. 1815. Т. 5), De l' influence de l' opinion sur la stabilité des gouvernements (Censeur. 1815. Т. 6), De l' instruction publique en France (Censeur. 1815. Т. 7).

¹⁰ Сен-Бев даже как-то оговорился: «позитивная школа Конта и Дюнуайе» (курсив мой – А.Г.). См.: Gouhier H. *Op. cit.* P. 408.

круг видных представителей либерального меньшинства из членов сената, куда в то время входили Дестют де Траси, Ланжюинэ, Ленуар-Ларош, Ламбрехт, Сэй, Констан, Сен-Симон и др.¹¹.

Редакционное бюро «Цензора» располагалось сначала на улице Grands-Augustin, 23, а затем на Git-le-Cœur, 10. Первый том составили 12 еженедельных выпусков. Начиная со второго тома, появилось 7 рубрик: «Общие темы», «Работы по законодательству, политике и морали», «О газетах», «Правительственные, административные и юридические акты», «Палата пэров», «Палата депутатов», «Бюллетень». Впрочем, каждый выпуск не обязательно включал в себя все семь рубрик.

О читательском интересе свидетельствует спрос на издание, благодаря чему предприятие было успешным и с чисто коммерческой стороны. О. Конт писал своему другу Вала в мае 1818 г., что «Цензор» за первые три года своего существования принес 200 000 франков чистой прибыли и даже позднее, когда издание уже не пользовалось таким успехом, оно все же давало от 10 до 15 тыс. прибыли в год¹².

Отречение Наполеона 31 марта 1814 г. Ш. Конт и Ш. Дюнуайе расценили как сигнал к всеобщему избавлению от «тирании» и взялись за перо, чтобы сделать невозможным возврат к ней. Они с успехом воспользовались воцарившейся свободой прессы¹³ и постарались дать на своих страницах критический обзор событий политической жизни страны. Правительства и Первой реставрации, и Ста дней имели в лице этого издания строгого цензора всех своих действий.

В уведомлении об издании газеты утверждалось: «Когда Наполеон Бонапарт захватил бразды правления, он представил французам Конституцию, которая им гарантировала свободу осуществления своих гражданских и политических прав и которая сделала бы их счастливыми, если бы он не привнес в нее ради удовлетворения собственного тщеславия определенные недостатки. Люди, которых он сначала пригласил для управления страной (как и те, кого он назначал потом) ставили себе целью лишь овладение властью и приносили один только вред...»¹⁴. По мнению редакторов «Цензора» именно члены правительства провозгласили, что высший закон – это сам Наполеон и что сенат стоит над законом. «Если какой-нибудь смелый человек поднимал

¹¹ См.: *Manuel F.E. The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge, 1956. P. 184.*

¹² *Gouhier H. Op. cit. P. 408.*

¹³ Свобода печати стала летом 1814 г. предметом живейшего обсуждения в обществе. Несмотря на все сопротивление либералов, цензура сохранилась, но в целом, начиная с апреля, она была «несравнимо менее строгой, чем во времена Империи». – *Waresquiel E., Yvert B. Histoire de la Restauration. 1814-1830. Naissance de la France moderne. P., 1996. P. 68.*

¹⁴ Цит. по: *Hatin E. Op. cit. P. 82.*

голос в защиту Конституции, – говорилось в газете, – то полиция, сначала объявив его через прессу мятежником и изменником, отправляла затем его в одну из тюрем, где его душили, подобно Пишегрю». И далее: «Это царство насилия и угнетения закончилось, ему наследовал новый порядок вещей. Большая часть содержавшихся в нашей Конституции недостатков исчезла, но нужно помешать тому, чтобы они вновь сюда попали, нужно, чтобы Конституция была уважаемой и заботилась о министрах так же, как о последнем французе. То уважение, которое граждане нашей страны должны проявлять по отношению к законам, может выражаться только через общественное мнение, а общественное мнение может быть сформировано только посредством воспитания или же через периодику. В этой связи журналисты могли бы принести большую пользу, но то преувеличенное значение, которое они придают заурядным литературным дискуссиям, то безразличие, которое они выказывают в отношении морали и законодательства, та угодливость, которую большая их часть проявляла перед прежним правительством, не позволяют надеяться, что они станут просвещать граждан относительно их истинных интересов. Действительно, чего ждать от людей, всегда раболепствовавших перед силой и никогда не имевших храбрости сказать правду, заявить публике об ошибках или деспотических действиях министра?»¹⁵. Логика издателей была очевидна: что не делают «они», осмелимся сделать «мы». Редакторы не преминули отмежеваться от всех прежних правительств, сменявших друг друга на протяжении предшествовавших 20 лет, и подчеркнули, что главный интерес «всех французов» состоит в том, чтобы граждане были послушны законам, уважали общественную мораль и сопротивлялись угнетению. Газета заранее предупреждала читателей, «чтобы люди той или иной партии, той или иной секты не искали в этом труде пищи для своих страстей, ибо они не найдут здесь ничего, что бы могло доставить им удовольствие»¹⁶.

Первый выпуск «Цензора» появился в начале июля 1814 г. В «Адресе», подписанном Ш. Контом, объявлялось, что издание будет выходить трижды в месяц. Но в дальнейшем, после принятия закона о цензуре от 21 октября 1814 г., издатели, чтобы вывести газету из-под его действия, изменили ее формат и стали выпускать без четко определенных промежутков времени томами более 40 страниц. Вот что они заявили по этому поводу: «Мы уклоняемся от юрисдикции цензоров совершенно не для того, чтобы злоупотребить свободой прессы, а потому что природа нашего труда не позволяет нам подчиниться такому

¹⁵ Цит. по: Ibid. P. 82-83.

¹⁶ Цит. по: Ibid. P. 83.

контролю: даже само название нашего издания отвергает всякую идею о предварительной цензуре. Было бы совершенно абсурдным, если бы газета, поставившая себе главной целью указывать на ошибки и деспотические действия правительства, выходила бы только после того, как ее проверили агенты этого самого правительства»¹⁷. Фактически издание стало ежемесячным. В 1814-1815 гг. появилось семь томов «Цензора».

В обзоре прессы, опубликованном в одном из номеров «Цензора», указывалось на политическую беспринципность периодики того времени: «Тот факт, что газеты являются весьма полезным для правительства инструментом, тот факт, что правительство определяет их дух, объясняет, почему власть позволяет газетам говорить, ибо она заставляет их говорить исключительно то, что сама хочет услышать. Произошли какие-нибудь неприятные события, их можно замолчать, скрыть, даже извратить. Появились как-нибудь приятные новости, их можно преподнести таким образом, чтобы удвоить интерес к ним и их эффект. Если власти хотят принять какой-нибудь декрет, но опасаются последствий, то газеты долгое время подготавливают к нему умы. Если есть необходимость распространить некоторые максимы, противоречащие общепринятым идеям, газеты внушают их умело и осторожно. В управляемых таким образом газетах, мы никогда не найдем указания на то, что правительство сделало что-то плохое: оно вообще не имеет больше врагов. <...> То, чего больше всего требует власть от наших газет, так это их согласия на ее вмешательство в освещение ими всех вопросов, касающихся правительства <...>. Новое правительство нашло газеты готовыми исполнить все, чего бы оно ни захотело, и ждущими только приказа изменить свои принципы и направление. Их обращение в новую веру произошло с бесподобной быстротой. 31 марта они еще оплакивали узурпатора, а уже 1 апреля пели осанну возвращению легитимного правительства»¹⁸.

Авторы обзора выражали удивление, что после такой демонстрации прессой собственного малодушия и преданности власть предержавшим, как это было в марте-апреле 1814 г., газеты все же были поставлены под контроль цензуры. Редакторы «Цензора» отмечали в этой связи два мотива, которым руководствовалось правительство. Во-первых, чтобы газеты могли транслировать в общество идеи правительства, необходимы были посредники, с одной стороны, связанные с правительством, с другой – знакомые с журналистской работой. Эти функции

¹⁷ *Hatin E.* Op. cit. P. 86.

¹⁸ Цит. по: *Ibid.* P. 87-88. 1 апреля 1814 г. было сформировано временное правительство: Талейран, Бернонвилль, Жокур, Далберг, Монтескью.

и взяли нас себя цензоры газеты. Во-вторых, поскольку во многих газетах можно было все же встретить достаточно свободных и независимых журналистов, не желавших менять свое мнение в угоду обстоятельствам, то необходимо было поместить рядом с ними людей более гибких взглядов и более спокойного нрава, которые бы исправляли в статьях все, что, по их мнению, окажется излишне вольным или антиправительственным. И эта задача опять таки выпала на долю цензоров¹⁹.

Политика «Цензора» в отношении нового правительства была довольно проста. Его издатели с огорчением отмечали, что Людовик XVIII предпочитает придерживаться старого законодательства, уже многократно нарушенного, вместо того, чтобы предоставить народу свободу. Газета выказывала опасения, что даже форма Хартии не заставит «кое-кого» отказаться от идеи восстановить в полном объеме прежнюю власть короля, что приведет к жестокой борьбе между династией и нацией. Наконец, порицались многие статьи Хартии, указывалось на ее важнейшие упущения. Несмотря на эту критику, «Цензор» настоятельно советовал всем партиям объединиться для того, чтобы помочь королю положить конец революциям. Либералы понемногу признают Хартию тем знаменем, вокруг которого они могли бы объединиться. В первом же томе «Цензора» главной задачей текущего момента ставится «повиноваться законам и служить Отечеству»²⁰. Роялисты должны удовлетвориться восстановлением Людовика XVIII на троне предков, конституционалисты же не добившись всего, чего они хотели, все же должны быть довольны тем, что большинство их чаяний нашло отражение в Хартии. Что касается республиканцев, то они, по мысли редакторов «Цензора», должны понять, что слова «республика» и «монархия» – это всего лишь слова: республика может быть весьма деспотичной, а монархия весьма либеральной. Остаются бонапартисты... Их согласие на объединение получить, конечно, труднее, но бонапартисты – «пресмыкающиеся перед силой и успехом» – сами по себе ничего и не значат²¹. Примерно таковы были те основные идеи, которые нашли отражение в первых

¹⁹ Ibid. P. 88.

²⁰ Censeur. 1814. Т. 1. P. 68-69.

²¹ Речь идет в первую очередь о влиянии на общественное мнение. В конце 1814 г. партия бонапартистов имела своим печатным органом газету с причудливым названием «Желтый карлик» (*Nain jaune*). Помимо нее бонапартисты могли рассчитывать также на еще одно издание политической периодики, в которое Кошуа-Лемер (Cauchois-Lemaire) превратил ранее малотиражное и плохо читаемое обозрение *Journal des Arts, des Sciences et de la Littérature*, издававшееся прежде Портманом (Porthmann).

выпусках «Цензора». Причем, отмечает Атэн, тон издания был «решительным и серьезным, что особенно контрастировало с большей частью тогдашних публикаций»²².

Позицию большинства других изданий по отношению к правительству Первой реставрации можно проиллюстрировать примером газеты *Journal des débats*. Ее колонка новостей неизменно открывалась сообщениями о светской жизни двора и придворных, а основное содержание каждого номера составляли рецензии на книги и брошюры. В январе 1815 г. газета опубликовала сначала отрывки из «Размышлений об общем интересе Европы» Бональда²³, а затем и две рецензии на них Дюссоля²⁴, рецензию на «Политические размышления о некоторых современных сочинениях и об интересах всех французов» Шатобриана²⁵, рецензии на «Обзор новых химико-физиологических доктрин» Кутано²⁶, на книгу Ш. Нодье о заговоре Моро²⁷ и на книжку о филладельфах и секретных обществах в армии Бонапарта²⁸, переписку Панина с Ростопчиным относительно публикаций в «Русском вестнике» и в *Journal de l'Empire*²⁹, редакционную статью с призывом закончить «длинную и ужасную революцию», положив тем самым конец мнениям «несправедливым, буйным и даже гнусным»³⁰. Центральное место в этом месяце занимали «траурные» номера, посвященные годовщине смерти Людовика XVI, со статьями Шатобриана, Виллемана и Лалли-

²² *Hatin E.* Op. cit. Т. 8. Р. 86.

²³ «Политику усиливает все то, что соответствует в ней религии; а все то, что религии противоречит, политику ослабляет. На этом великом и благородном принципе Карл Великий основал христианское сообщество. Будет несчастьем для общества, некогда сбитого с пути ошибочными мнениями или коварными намерениями, если правительство забудет о независимости нации и о независимости собственности <...> и т.д.. См.: *Journal des débats*. 07.01.1815.

²⁴ «Эта важнейшая брошюра Бональда <...> являет собою частное выражение его общих принципов. Автор рассматривает совокупность европейских государств как христианское сообщество (*république chrétienne*) <...>». См.: *Ibid.* 12.01.1815. Вторая статья Дюссоля посвящена рассуждениям о роли дворянства вообще, то есть политической философии Бональда. Вывод однозначен: дворянство – «естественный и необходимый обществу институт». См.: *Ibid.* 22.01.1815.

²⁵ Рецензент восторгался редкостной целостностью и неизменностью принципов Шатобриана относительно природы правительств, разумной свободы и пагубности абсолютной власти, которые он демонстрировал во всех своих сочинениях. Отмечалось, что памфлет этого писателя «О Бонапарте и Бурбонах» произвел «колоссальный эффект на Францию и на Европу» и стал заключительным аккордом в той «битве моральной и физической сил», битве Шатобриана и Бонапарта, которая продолжалась двенадцать лет. См.: *Ibid.* 08.01.1815.

²⁶ *Ibid.* 06.01.1815.

²⁷ *Ibid.* 16.01.1815.

²⁸ *Ibid.* 30.01.1815.

²⁹ *Ibid.* 11.01.1815. См.: *Русский вестник*. 29.03.1813.

³⁰ *Journal des débats*. 15.01.1815.

Толандаля³¹. Из напечатанного в *Journal des débats* в феврале можно отметить рецензии на сочинения «О Германии» мадам де Сталь³², «Об ответственности министров» Б. Констана³³, «Очерк о главном принципе политических конституций и других человеческих институтов» Ж. де Местра³⁴, «Философское эссе о вероятностях» П.С. Лапласа³⁵. «Гвоздем месяца» на этот раз стал критический разбор книги. А. Лемуара «Франкмасонство, рассмотренное в его истинных истоках»³⁶.

Что касается «Цензора», то его январский том за 1815 г. открылся анонимным обзором «Размышления о ситуации в Европе, о причине ее войн и о средствах положить этому конец», который можно рассматривать как изложение официальной позиции редакторов журнала. В качестве основного средства положить конец войнам в Европе предлагалось создать конфедерацию европейских народов. Объединить нации пытались Римские Папы, Генрих IV, Людовик XIV. «Военный философ» и «дитя Французской революции» – Наполеон уже пытался установить в Европе конфедерацию, но теперь лишь Англия может попробовать это сделать. «Только свободные народы могут объединиться в конфедерацию. Нужно так же, чтобы они еще имели аналогичные конституции и чтобы они сообща создали центральное правительство, которое вело бы их к объединению»³⁷.

О форме правительства или механизме его действий ничего не говорилось, но отмечалось, что это должно быть непременно представительное правительство, а именно – правительство того же типа,

³¹ Шатобриан, в частности, призывал французов во искупление совершенных преступлений отметить годовщину смерти Людовика XVI особой церемонией (сценарий прилагался) и воздвигнуть монумент с надписью: «Людовик XVIII – Людовику XVI». См.: Ibid. 19.01.1815

³² Ibid. 06.02.1815.

³³ Ibid. 12.02. 1815; 18.02.1815.

³⁴ Ibid. 21.02.1815.

³⁵ Ibid. 27.02.1815.

³⁶ Автора критиковали за то, что его книга «появилась слишком поздно», ибо «либеральные идеи, которые составляют ее основу, эрудиция, которая в ней присутствует, и весьма философские выводы, которые здесь делаются, могли бы стать сенсацией лет 30-40 назад». Лемуар ищет истоки масонской идеологии в астрономии, но и эта точка зрения уже содержится в «Истоках всех культов» Ш. Дюнои. См.: Ibid. 13.02.1815. См. также: Ibid. 15.02.1815 и 19.02.1815. А. Лемуар сам был членом ложи Saint-Jean d'Ecosse du Contrat sociale. В свое время братья масоны из Комиссии по делам Египта подарили ему в знак уважения многочисленные книги, манускрипты, амулеты, статуэтки и другие египетские раритеты. См.: *Laurens H. L'Expedition d'Egypte 1798-1801*. P., 1989. В 1812-1813 гг. А. Лемуар прочел курс лекций, в котором попытался связать египетские и греческие мистерии с франкмасонством. Эти лекции и легли в основу его книги, увидевшей свет в 1814 г. Подробнее о нем см.: *Manuel F.E. The Eighteenth Century Confronts the Gods*. Cambridge, 1959.

³⁷ Censeur. 1815. Т. 3. P. 28.

что и у всех членов конфедерации: «Когда все народы примут представительную форму правления <...>, тогда только нации станут восприимчивы к цивилизации, тогда только они смогут посредством кодекса прав людей установить между собой общую связь, тогда только Европа образует одну семью, одну конфедерацию»³⁸.

Задачи этого правительства европейской конфедерации – «мировая торговля, распространение европейской цивилизации по всему земному шару». «Конфедерация должна заниматься великими начинаниями во имя общественной пользы, строить дороги, прокладывать каналы, разрезать перешейки, создавать колонии среди варварских народов, чтобы ускорять цивилизацию и распространять торговые связи: такова должна быть великая цель конфедерации свободных народов»³⁹. Подобная конфедерация европейских народов представлялась в данном обзоре как «наилучшее и наиболее благотворное» начинание в целях всеобщего мира.

Обоснование союза между Англией и Францией, сопоставление Французской и Английской революций, рассуждения о «прогессе человеческого духа» и «общественном мнении, которое управляет миром», призыв покончить с войнами в Европе, и, главное, сама идея единого европейского правительства, – все это весьма напоминало мысли авторов вышедшей накануне брошюры «О реорганизации европейского общества или о необходимости и средствах рассмотрения народов Европы как единого политического корпуса, в котором каждый народ сохраняет свою национальную независимость»⁴⁰. Авторами ее были «граф Сен-Симон и О. Тьерри, его ученик». Первоначально работа увидела свет в конце октября 1814 г., но тут же была предпринята попытка остановить ее продажу⁴¹. И только 3 декабря *Journal de librairie* анонсировал ее второе издание, исправленное

³⁸ Censeur. 1815. Т. 3. Р. 12.

³⁹ Ibid. 1815. Т. 3. Р. 30. См. Также об этом: *Manuel F.E. The New World of Henri Saint-Simon*. Cambridge, 1956. Р. 179. О «миссии Запада» говорили тогда не только авторы «Цензора». Еще раньше, например, мы встречаем схожие идеи у Балланша. См.: *Мишель А. Идея государства*. М., 1909. С. 146.

⁴⁰ См.: *Lemonnier Ch. (édit.). Œuvres choisies de C. H. de Saint-Simon, précédées d'un essai sur sa doctrine*. Bruxelles, 1859. Т. 3. Р. 384. См. так же: *Saint-Simon C.-H., Thierry A. De la Réorganisation de la société européenne*. Introduction de Henry Jouvenel. Lausanne, 1967; *Сен-Симон К.-А., Тьерри О. Преобразовании европейского общества // Родоначальники позитивизма*. Вып. 3. СПб., 1911.

⁴¹ Представлявший Главную дирекции издательств и книжных магазинов г-н Паже (Pagès) обратился 27 октября 1814 г. к г-ну Бёшо (Beuchot), главному редактору *Journal de librairie*, со следующей запиской: «Если еще есть время, я вас прошу не анонсировать в *Journal de librairie* брошюру “О реорганизации европейского общества” Сен-Симона, издательство д’Эргон. Паже (Pagès)». Цит по: *Gouhier H.* Op. cit. Р. 93. Брошюра, действительно, не была анонсирована.

цензурой⁴². Тем не менее, уже в январском томе «Цензора» эта идея единой Европы получила подробное отражение, правда, без ссылок на указанную брошюру.

В конце ноября или начале декабря 1814 г. Сен-Симона отправил в редакцию «Цензора» «Письмо об учреждении партии оппозиции», опубликованное там в январе 1815 г.⁴³ Сен-Симон рассуждает в нем о парламентской оппозиции, призывает к организации политической системы с двумя партиями, как в Англии, убеждает французскую буржуазию создать свою партию оппозиции. Идея *оппозиции* представляется Сен-Симоном практическим средством *консолидации* Франции, ибо оппозиция – составная часть *системы*. Король тоже заинтересован в оппозиции, считает Сен-Симон, замечая: «Философские и политические изыскания, которым я посвятил свою жизнь, до настоящего времени могли иметь только смутное направление, а сейчас их единственной целью стало укрепление скипетра в руках Бурбонов и консолидация монархии, которую Ваше Величество восстановил <...> Когда оппозиция организуется, не будет больше оснований для опасений, династия окажется вне опасности»⁴⁴. Принятие Хартии 1814 г. и установление парламентского режима во Франции Сен-Симон назвал «замечательной эпохой». Его, правда, беспокоили настроения «ультра» и слухи о намерении реакционеров отменить Хартию. Оптимизм Сен-Симона относительно мирной «национальной дискуссии по гражданским и политическим вопросам»⁴⁵ между правительственной и оппозиционной партиями отражал общее восхищение либералов того времени парламентаризмом. Главное только, полагал автор, чтобы обе партии поддерживали Конституцию.

⁴² Несколько экземпляров этого второго издания Сен-Симон подписал собственноручно поверх заголовка: «N.B. Этот труд, изданный впервые в тот краткий период времени, когда пресса была свободна, не мог быть переиздан без того, чтобы не подвергнуться цензуре. Цензоры исказили одни абзацы и добавили по своему усмотрению другие; от руки [мною] восстановлено то, что они подправили, и вычеркнуто то, что они добавили». См.: *Saint-Simon. Œuvres. P.*, 1966. Т. 1 (1). P. 152.

⁴³ *Saint-Simon. Lettre sur l'établissement du parti de l'opposition // Censeur. 1815. Т. 3. P. 334-356.* Опубликовано в последней рубрике «Бюллетень» и датировано 12 ноября – 20 декабря 1814 г. Начинается с обращения Сен-Симона: «Я Вас прошу, господа, включить в Ваш ближайший том статью, которую имею счастье Вам отправить». Эта первая публицистическая статья философа целиком больше не переиздавалась. И лишь отрывки из этого текста были включены в кн.: *Saint-Simon Henri de. Selected Writings on science, industry and social organization / Translated and edited by K. Taylor. L.*, 1975. P. 137-140. Впрочем, можно предположить, что и в «Цензоре» рукопись Сен-Симона была опубликована с купюрами, так как после второго параграфа там сразу идет четвертый.

⁴⁴ *Censeur. 1815. Т. 3. P. 355, 349.*

⁴⁵ *Ibid. P. 337.*

Далее Сен-Симон едва ли не первым из французских мыслителей⁴⁶ предложил более или менее строгую дефиницию «политической партии». «Партия, – писал Сен-Симон, – организуется тогда, когда все те, кто ее составляют, соединены общими принципами, признают одного лидера, который договаривается обо всех действиях и руководит всеми акциями, тогда, когда имеются одновременно единство в действиях и единство во взглядах. Благодаря этому, сила такой партии будет максимальной»⁴⁷. Подобные условия особенно актуальны для оппозиции – для партии, на которую не распространяются «милости» правительства и которая может рассчитывать только на собственные силы и средства. Сен-Симон обращает внимание на то, что правительство должно быть командой единомышленников, а такая команда может сложиться только в период нахождения партии в оппозиции. Сен-Симон подошел к идее формирования правительства из парламентского большинства: «После каждых новых выборов король (в Англии – А.Г.) включает в правительство человека или людей из одной и той же партии, людей одинаковой политической доктрины, людей которые всем известны превосходством своих талантов, – таковы господин Питт и его друзья, господин Фокс и его друзья; одним словом без оппозиции король имел бы министров, но никогда бы не имел министерства»⁴⁸. Можно предположить, что Сен-Симон, как и Б. Констан, понимал необходимость единства в министерстве⁴⁹, но так же, как в то время и у Констана, идея парламентского кабинета еще не приняла у Сен-Симона отчетливой формы. Сен-Симон акцентировал внимание не на отвлеченном принципе солидарной ответственности министров, а на необходимости скорейшей организации партии оппозиции.

По мнению Сен-Симона, беда современной ему Франции состояла в том, что люди, чьи личные интересы совпадают с общим интересом защиты хартии 1814 г., совершенно не имеют соответствующего политического опыта. В первую очередь здесь имелись в виду владельцы приобретенных во время Революции национальных имуществ – бывших земель дворянства и духовенства: «сегодня во Франции

⁴⁶ Так, считал, например, Ж. Дотри. См.: *Dautry J. Claude-Henri Saint-Simon // Saint-Simon. Textes choisis*. P., 1951. P. 27.

⁴⁷ *Saint-Simon. Lettre sur l'établissement du parti de l'opposition*. P. 342. Ср.: *Idem. Textes choisis*. P., 1951. P. 27.

⁴⁸ *Saint-Simon. Lettre sur l'établissement du parti de l'opposition*. P. 344.

⁴⁹ В это время Б. Констан в дополнение к своим «Размышлениям о конституциях» выпустил брошюру «Об ответственности министров», где предложил правительству уходить в отставку, если оно теряет большинство в палатах парламента, но при этом оставлял за королем право сохранять прежних министров. См.: *Constant B. Cours de politique*. Т. 1. P. 406. См. так же: *Градовский А. Политические теории XIX века // Заря*. 1869. Кн. 4. С. 26-28.

существует многочисленный класс собственников, чьи владения не могут иметь другой гарантии кроме конституционной хартии, чьи имущества растут или падают в цене в зависимости от того, насколько уверенность в прочности конституции понижается или возрастает»⁵⁰. Из всех либеральных писателей той эпохи он, пожалуй, лучше других понял значение *новых* земельных собственников как социальной опоры оппозиции. Организовать оппозиционную партию для них – «не что иное, как восстановить и обеспечить свою собственность, снижающуюся в цене с падением общественного кредита»⁵¹. Итак, Сен-Симон предложил в основание партии заложить некую ассоциацию собственников, которая бы составила ее финансовое ядро. Имея в качестве такового «ассоциацию собственников национальных имуществ», партия оппозиции не должна ограничивать свою деятельность рамками парламента: «без сомнения в палатах парламента оппозиция должна присутствовать, но если скажут, что она должна присутствовать только в палатах парламента, то я с этим не соглашусь: столь ограниченная оппозиция была бы ничтожна».⁵² Сен-Симон, таким образом, ставил вопрос о создании массовой политической партии.

В февральском номере «Цензора» была опубликована довольно обширная статья с рекомендацией либералам прочитать сочинение Сен-Симона и Тьерри «О реорганизации европейского общества». Автор подписался инициалами «G.F.»⁵³. Это было не изложение упомянутой брошюры, а скорее размышление о высказанном в ней. О Сен-Симоне

⁵⁰ Censeur. 1815. Т. 3. Р. 347. Сен-Симон демонстрирует свое знакомство с динамикой цен того времени на землю. В фонде Перейры сохранилась страничка одного сен-симоновского наброска. Вместо имени автора дается довольно пространное указание «Господа *** и ***, которые, начиная с 1789 года, не на находились ни на какой политической службе и не хлопотали о ней, которые не имеют никакой другой цели кроме как сохранить свою наиболее полную независимость и служить своими сочинениями интересам нации...» и т.д. Здесь же сообщалось, что данное сочинение написано неким бывшим дворянином, выступающим против нового дворянства и против всех, кто поддерживает нынешнее правительство. Заголовок «О современном управлении национальными имуществами» отдельных комментариев не требует. Из текста сохранилась только одна строчка: «Национальные имущества ежегодно дорожают на 5-6 миллионов». См.: V.N.F. N.A.F. F. 24 606. f. 122.

⁵¹ Censeur. 1815. Т. 3. Р. 348. Это было время, когда буржуа с тоской и тревогой наблюдали за падением курса ренты: в марте она понизилась с 78 до 75 франков, в мае дошла до 56 франков, а резкий обвал произошел после публикации в *Moniteur* 13 апреля 1815 г. доклада Коленкура.

⁵² *Saint-Simon*. Lettre sur l'établissement du parti de l'opposition. P. 350.

⁵³ Censeur. 1815. Т. 4. Р. 63-87. В *Revue encyclopédique* за 1825 г. вышли две рецензии на сочинения Сен-Симона «Катехизис индустриалов» и «Литературные мнения», подписанные инициалом «F». Возможно за этой буквой, как предположил П. Бенишу, скрывался бывший член Конвента Клод-Жозеф Ферри. См.: *Bénichou P.* Le Temps des prophètes. Doctrine de l'âge romantique. P., 1977. P. 48, note. Возможно, заметка в «Цензоре», подписанная «G.F.» так же принадлежала ему.

автор отозвался как о человеке «большого таланта и прекрасных взглядов»⁵⁴. По его мнению, Сен-Симон отвечает на три важнейших вопроса: 1. Возможно ли федеративное устройство независимых государств? 2. Какие условия необходимы для того, чтобы Европа могла принять такое устройство? 3. Какова должна быть форма этого устройства, чтобы оно было прочным и долгим?⁵⁵

Как видим ни в предыдущем номере «Цензора», ни в этом никто не называл идею единой Европы утопичной. «Проект графа Сен-Симона, – пишет автор указанной статьи, – имеет в своей основе гораздо более естественные посылки, чем проект аббата Сен-Пьера». Впрочем, при этом автор заметки квалифицировал идеи авторов брошюры как «чисто спекулятивные», *сейчас* их реализовать невозможно: «это – труд не одного человека и не одного года, а людей и веков»⁵⁶.

Автор статьи упрекал Сен-Симона в том, что тот не обратил внимания читателей на модель федеративного государства, предложенную самой историей – США: «история представляет нам модель предлагаемой им системы, модель значительно меньшего масштаба, но завершенную во всех своих частях и пригодную для того, чтобы привести европейское общество к его наибольшему совершенству». Английские колонии в Северной Америке входили в состав королевства. Губернатор колонии фактически был *выборным* королем. Таким образом, политическое устройство колоний было ближе к выборной королевской власти, чем к наследственной. Устройство их парламентов различалось только местной спецификой. 13 небольших американских провинций после окончания войны против Англии и до образования большого союза находились в такой же ситуации и на такой же ступени политического развития, какой, как можно предположить, уже достигла Европа, чтобы можно было установить федеративное правление⁵⁷. Американский союз для автора статьи – «шедевр политических институтов»⁵⁸. Аналогия между Соединенными Штатами Америки и, как выражается автор, «великими штатами Европы» напрашивалась сама собой.

G.F. особо комментирует мнение Сен-Симона о том, что возможность образования общеевропейского союза возможна при одинаковом

---

⁵⁴ Censeur. 1815. Т. 4. Р. 65.

⁵⁵ Ibid. Р. 66.

⁵⁶ Censeur. 1815. Т. 4. Р. 74-75. В другом месте он в этой связи отмечает, что Сен-Симон, не оценив конституции США, проявил «мечтательное самодовольство». – Ibid. Р. 84. Предлагаемый же Сен-Симоном союз Франции и Англии автор статьи отнес к кругу идей «достаточно легкомысленных» и «достаточно рискованных». – Ibid. Т. 4. Р. 85.

⁵⁷ Ibid. Р. 78-79.

⁵⁸ Ibid. Р. 81.

политическом устройстве государств и наличии некоего объединяющего их начала, то есть таких же условий, которые существовали в XII–XIV вв., когда все страны Европы имели схожие формы правления и подчинялись высшей власти Пап. Возражая Сен-Симону, считавшему, что, благодаря подобной ситуации, в тот период не было национальных войн, его критик заявляет, что национальных войн не было тогда отнюдь не из-за объединяющей роли Римских Пап, а просто потому, что нации еще не сформировались.

В заключение критик отметил, что брошюра написана ясно, просто и убедительно: «Одних только великих вопросов человечества, которые здесь обсуждаются, было бы достаточно, чтобы критик придерживался уважительного тона. Тьерри, ученик и сотрудник Сен-Симона, имеет право на нашу похвалу за то участие, которое он принял в этом труде»⁵⁹.

Вслед за *Journal des débats*, «Цензор» также посвятил анализу «Размышлений об общем интересе Европы» Бональда обширную статью, где сопоставлялись две идеи централизованного европейского правительства: идея Бональда о суверенитете Римского Папы и предложенная Сен-Симоном идея европарламента. Симпатии «Цензора» были явно на стороне последнего: «Анализ сочинения Сен-Симона о европейской реорганизации, содержащийся в этом томе, убедительно показывает, каким образом создание национальных представительств в различных государствах Европы привело бы к подобной реорганизации и как благотворное влияние этих представительств могло бы отразиться на внешних связях правительств». По мнению анонимного автора статьи, нет необходимости еще раз обращаться к этой идее, дабы показать, насколько абсурдна мысль Бональда о том, что парламентские институты противоречат природе общества⁶⁰.

В феврале появилась в «Цензоре» и вторая статья Сен-Симона⁶¹, где предлагался конкретный план организации ассоциации собственников национальных имуществ и создания партии оппозиции. Главная задача новых собственников – «упрочить представление о неприкосновенности хартии и вернуть этой форме землевладения то доверие, которое они потеряли»?⁶² Сен-Симон предложил пять последовательных операций, которые привели бы, с одной стороны, к росту цен на национальные имущества, с другой – к окончательному образованию

⁵⁹ Ibid. P. 87.

⁶⁰ Ibid. P. 189–190.

⁶¹ *Saint-Simon. Projet d' une association des propriétaires de domaines nationaux // Censeur. 1815. T. 4. P. 10–31.*

⁶² Ibid. P. 10.

партии оппозиции, а в конечном итоге – к установлению во Франции «самого либерального социального порядка». Затем он дал анонс двенадцати своих будущих сочинений, призванных «сформировать во Франции общественный дух, чтобы определить общественное мнение в поддержку Хартии, чтобы разрушить махинации тех, кто пытается ее пересмотреть, чтобы установить полное доверие к собственникам национальных имуществ»⁶³. Это была своеобразная программа целенаправленного формирования общественного мнения⁶⁴.

Редакторы «Цензора» полностью поддерживали усилия Сен-Симона. Когда в том же феврале 1815 г. появился четырехстраничный проспект его будущего сочинения «Защитник приобретателей национальных имуществ, или Поиски причин той дискредитации, в какую попали национальные имущества, и средств, которые могли бы поднять эти имущества на ту же высоту, что и наследственные», то «Цензор» дал практически полное изложение его содержания с одобрительными комментариями⁶⁵.

Почему сен-симоновский проект создания оппозиционной партии не привел к практическим результатам? Видимо, мыслитель просто опередил свое время. Вот как оценивал ситуацию во Франции того периода русский историк В.А. Бутенко: «Для образования настоящих политических партий понадобился еще довольно значительный промежуток времени, и французское общество должно было пережить Первую реставрацию, период Ста дней и эпоху белого террора раньше, чем закончился период формации и дифференциации различных политических направлений». Это стало возможным только после того, как конституционный механизм, заложенный Хартией 1814 г., начал правильно функционировать, т.е. после роспуска «бесподобной палаты»⁶⁶. В первые же годы Реставрации можно говорить не о «партиях», а о

⁶³ Censeur. 1815. Т. 4. Р. 23.

⁶⁴ Одно из этих сочинений Сен-Симон собирался посвятить писателям-конституционалистам Б. Констану, Дюшену (Duchesne) и Буайе-Фонфреду (Boyer-Fonfrede). Сен-Симону казалось, что достаточно будет сравнить их основополагающие идеи, чтобы убедить этих авторов работать сообща и соответствующим образом формировать общественные настроения. См.: Censeur. 1815. Т. 4. Р. 26.

⁶⁵ Prospectus d'un ouvrage ayant, pour titre: Le Défenseur des propriétaires des domaines nationaux ou recherches sur les causes du discrédit dans lequel sont tombées les propriétés nationales, et sur les moyens d'élever ces propriétés à la même valeur que les propriétés patrimoniales // Censeur. 1815. Т. 4. Р. 352-364. В «Euvres de Saint-Simon et d'Enfantin» напечатаны только план и условия подписки. Авторами, кроме самого Сен-Симона, значились еще «и другие писатели». Возможно, замышлялось, какое то масштабное историко-экономическое и политическое исследование.

⁶⁶ Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации // Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского университета. 1913. Вып. 115. С. 92-93.

«политических группах единомышленников». С другой стороны, если верить полицейским донесениям от 12 ноября, 4 и 5 декабря 1814 г., на которые ссылается В.А. Бутенко, предложение Сен-Симона могло совпадать со стремлениями самих владельцев национальных имуществ, «насколько можно судить по отдельным известиям о попытках вызвать среди них союзы взаимной защиты интересов»⁶⁷. Действительно, в конце 1814 – начале 1815 г. вопрос о незыблемости Хартии и о надежности обещаний Людовика XVIII оставался открытым.

Итак, на страницах «Цензора» мы встречаем, с одной стороны, критику Хартии за недостаточные гарантии гражданских и политических прав, с другой – защиту Хартии и осуждение любых попыток ее нарушить с целью восстановить в полном объеме прежнюю власть короля. Ни одно подобное поползновение как со стороны правительства, так и со стороны «ультра» не оставалось без внимания «Цензора». Газета четко определила оппозиционную доктрину: власти происходят от нации, единственный правомочный представитель нации – парламент; он должен принимать законы, а король их утверждать. «Цензор» агитировал также за развитие свободной торговли и утверждение «цивилизаторской миссии» Запада, выступал за мир вместо войн, выражал веру в силу общественного мнения и прогресс человеческого духа, призывал уважать «общественную мораль». В отличие, например, от Сийеса, предлагавшего принцип формального представительства, «Цензор» устами Сен-Симона обосновывал принцип реального представительства – представительства не абстрактной совокупности граждан, а определенных социально-экономических интересов, ибо политические принципы – лишь выражение подобных интересов, и только согласование последних обеспечивает баланс сил, отстаивающих разные принципы. «Цензор» призывал либералов объединиться и даже создать *движение*, но при этом неизменно «повиноваться законам и служить отечеству».

Нельзя сказать, что «Цензор» был прямо оппозиционен правительству Первой реставрации, но он никогда его и не защищал. На протяжении десяти месяцев Первой реставрации он не прекращал с большой отвагой критиковать все, что казалось неконституционным или нелиберальным. Для издателей газеты, как мы это увидим ниже, суть вопроса состояла не в персональном составе правительства, а в идее. «Цензор» объявил войну вещам, а не людям. Поэтому и режим Ста дней не смог привлечь его на свою сторону.

---

⁶⁷ Там же. С. 161.

Новость о высадке Наполеона в бухте Жуан достигла Парижа относительно поздно, к вечеру 5 марта 1815 г. Нация об этом узнала через сутки из официального обращения короля, опубликованного в *Moniteur* от 7 марта и отражавшего уверенность власти в своих силах. Многие роялисты этому известию даже обрадовались, увидев здесь возможность окончательно разделаться с императором. Мало кто из них верил, что Наполеон отважится идти на Париж. Полагали, что, скорее всего, он отправится в Италию на соединение с Мюратом. Практически никто в первые дни не верил в успех «полета орла». Снисходительный оптимизм был официальной позицией.

«Бандит», «предатель», «мятежник» – королевская декларация расставляет маячки для проправительственных журналистов. Едва ли не впервые правительство Людовика XVIII всерьез взялось за целенаправленное формирование общественного мнения и организовало кампанию в прессе. 7 марта Талейран писал Жокуру: «Было бы желательно направлять газеты относительно того, что им говорить о предприятии Бонапарта»⁶⁸. В кильватере руководимого Витроллем официального издания *Moniteur*, которое до 12 марта (до вступления императора в Гренобль) демонстрировало спокойствие и уверенность, следовали многочисленные памфлетисты и газетчики. *Constitutionnel* и *Journal royal* именовали Наполеона не иначе как «бандитом с острова Эльба», «корсиканским тигром», «презренным убийцей герцога Энгиенского»... Газета *Journal des débats* от 8 марта писала о Наполеоне как об узурпаторе, предводителе уже не французов, а «нескольких сотен итальянцев и поляков»: «Этот человек, который, отрекшись от власти, никогда не отрекался от своих амбиций и от своих неистовств, этот человек, покрывший себя кровью нескольких поколений, пришел <...>, попытаться оспорить, от имени узурпатора и убийц, законность власти Короля Франции <...> Земля Франции его отвергла, он вернулся, земля Франции его поглотит <...> Это безрассудство может найти сторонников во Франции только среди постоянных творцов смут и революций»⁶⁹.

Первой реакцией либералов была попытка организовать единый фронт против Наполеона в защиту Бурбонов и Хартии. Сен-Симон и Тьерри на известие о «вторжении на французскую территорию

⁶⁸ Цит. по: Вильпен Д. Указ. соч. С. 170, сноска.

⁶⁹ *Journal des débats*. 08.03.1815. Отделить Бонапарта от Франции постарался еще Шатобриан в знаменитом памфлете 1814 г. «О Бонапарте и Бурбонах»: «У Бонапарта нет ничего от француза – ни в поведении, ни в характере <...> Бонапарт для французов – чужестранец».

Наполеона Бонапарта» ответили сочинением с громким заглавием «Символ веры»⁷⁰. Тон брошюры был весьма резким, это – тон воззвания к гражданам: «на наших границах появился человек, который десять лет угнетал Францию всеми крайностями военного деспотизма; этот человек был низвергнут с престола нашей единодушной волей, и он еще осмеливается желать царствовать над нами! И этот человек надеется объединить нас против нас самих! Или он думает, что прошлая тирания дает права на новую тиранию, что народ, нашедший себя, может рисковать свободой во второй раз? Думает ли он, что мы забудем то, чем он был, то, что мы есть, и то, чем мы хотим стать?»⁷¹. Показательна иерархия желаний Сен-Симона: «Первое желание француза – чтобы Франция была свободна, второе – чтобы она умела долго быть таковою, третье – чтобы она была свободна под управлением Бурбонов. Дело, которое мы защищаем, касается не только династий, это, вместе с тем, дело и народа, дело наших прав и нашей свободы»⁷². Речь не о предпочтении одного человека другому, речь о правах и свободах: «преданность законам и конституции Государства – это не выбор, это долг». Вместе с Людовиком XVIII французы защищают конституцию: «В подобный момент порядочный человек не может оставаться праздным; каковы бы ни были наши различия в собственности или рангах, мы все равны в наших правах, мы все должны быть равны и в нашей храбрости: мы все Французы»⁷³. Сен-Симон не верит в «экстравагантное» наполеоновское обещание «неограниченной свободы». Есть имена, которые непреодолимо ассоциируются с определенным характером, и время не может стереть эту ассоциацию. Англичане видят в Стюартах представителей абсолютной власти, французы видят то же самое в Наполеоне⁷⁴.

19 марта 1815 года, когда Париж узнал о переходе маршала Нея на сторону Бонапарта, *Journal des débats* опубликовала искрометную передовицу Б. Констана, где тот, в частности, писал: «При Бонапарте нам пришлось бы выносить правление мамелюков; нами правил бы

⁷⁰ *Saint-Simon, Thierry*. Profession de foi des auteurs l'ouvrage annonce sous le titre de Défenseur des propriétaires des domaines nationaux, de la Charte et des idées libérales, au sujet l'invasion du territoire français par Napoléon. P., 1815. Издание анонсировано в номере *Journal de Libraire* от 18 марта 1815 г.

⁷¹ *Saint-Simon*. Œuvres. P., 1966. Т. 6. P. 350.

⁷² *Ibid.* P. 351.

⁷³ *Saint-Simon*. Œuvres. Paris, 1966. Т. 6. P. 351. Анри Уссэ цитирует из этой брошюры лишь заключение: «Наполеон всегда будет только тираном, тогда как с королем, которого у нас хотят отнять, к нам пришла свобода, и свобода наша нуждается в нем». См.: *Houssaye H.* 1814-1815. P., 1898-1905. 4 vol. Цит. по: *Вильпен Д.* Указ. соч. С. 197, сноска.

⁷⁴ *Saint-Simon*. Œuvres. 1966. Т. 6. P. 350.

один только его меч <...> Он – Атилла, он – Чингиз-хан, только более страшный и отвратительный, ибо в его распоряжении возможности, которые представляет цивилизация»⁷⁵. Б. Констан заявлял: «я не стану как презренный перебежчик, влачиться от одной власти к другой, прикрывать подлость софизмом и пошлыми фразами искупать постыдное существование. На стороне короля свобода, мир и безопасность; на стороне Бонапарта – рабство, анархия и война»⁷⁶.

Но по мере приближения Наполеона к столице тон газет менялся: «людоед» постепенно превратился в «императора». Где-то между 19 и 22 марта, как выразился Шатобриан, законность «впала в обморок». Бонапартистская *Nain jaune* в номере от 25 марта так описывала изменение интонаций официальной прессы: «25 февраля – душегуб вступил в наступательный и оборонительный союз неизвестно с кем; 26-го – корсиканец покинул остров Эльба; 1 марта – Бонапарт высадился в Каннах с отрядом в 600 человек; 4-го – генерал Бонапарт захватил Гренобль; 11-го – Наполеон вошел в Лион; вчера император был встречен в Фонтенбло восторженной толпой; Его Императорское Величество ожидается в Тюильри завтра, 20 марта»⁷⁷. И вот уже *Journal des débats*, срочно перекрестившаяся в *Journal de l'Empire* начала служить Наполеону, как выразился Вильпен, «с прежним заказным энтузиазмом». Ее редакционная статья рисует идеалистическую картину: «В Париже сегодня безопасно и радостно. Бульвары заполнили толпы народа, которому не терпится увидеть возвращение армии и ее героя. <...> С быстротой молнии император проехал двести лье; его повсюду встречал народ, обьятый восторгом и почтением, преисполненный настоящего счастья»⁷⁸.

На этом фоне массового политического хамелеонства позиция «Цензора» выглядела наиболее последовательной и принципиальной.

⁷⁵ Б. Констан уже 11 марта 1815 г. в *Journal de Paris* доказывал, что возвращение Наполеона сулит несчастья, называл его «вечным врагом свободы» и обращался к французам с призывом защитить короля, конституцию и отечество. См.: *Бутенко В.А.* Указ. соч. С. 165. Полный текст статьи Б. Констана в *Journal des débats* от 19 марта см.: *Manceron C.* Napoléon reprend Paris. 20 mars 1815. P., 1965. P. 285-288.

⁷⁶ Цит. по: *Градовский А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 82.

⁷⁷ Цит. по: *Вильпен Д.* Ук. соч. С. 173. Е.В. Тарле приводит авторизованный вариант последовательности смены эпитетов: «Первое известие: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан». Второе известие: «Людоед идет к Грассу». Третье известие: «Узурпатор вошел в Гренобль». Четвертое известие: «Бонапарт занял Лион». Пятое известие: «Наполеон приближается к Фонтенбло». Шестое известие: «Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже». Вся эта литературная гамма уместилась в одних и тех же газетах, при одной и той же редакции на протяжении нескольких дней». См.: *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1957. С. 399.

⁷⁸ Цит. по: *Пекарский П.* Журналистика во Франции во времена Консульства и Империи // *Современник*. Т. 92. С. 208-209. См. также: *Вильпен Д.* Указ. соч. С. 198, 222.

Ш. Конт, обычно критически настроенный к режиму Первой реставрации и только что критиковавший Бурбонов на страницах «Цензора», 15 марта опубликовал брошюру под хлестким заголовком «О невозможности установить конституционное правление при военном главе государства, а особенно при Наполеоне». Сравняя Людовика XVIII и императора, он совершенно определенно склонялся в пользу первого: «Не может быть никакого сравнения между правлением императорским и нынешним: при первом мы страдали под тяжелым игом, при втором мы можем сказать, что свободны, и каждый имеет возможность защищать свои права надлежащим образом <...> Поэтому возвращение к власти императора было бы не чем иным, как возвратом самого жестокого деспотизма». Возвращение Наполеона, продолжал Конт, – «уничтожило бы таланты, торговлю и сельское хозяйство»⁷⁹. Самого же императора он называл «деспотом и разбойником, достойным казни»⁸⁰. Ш. Конт выражал мнение не только свое личное или редакции, но мнение определенного круга интеллектуалов и политиков, которые, не восторгаясь Бурбонами, еще меньше доверия питали к Бонапарту.

«Революция 20 марта», как называли эти события современники, и либерально-конституционные устремления Наполеона должны были развеять тревоги.

Уже через четыре дня после своего воцарения в Тюильри, 24 марта, несмотря на то, что печать в предыдущие дни приложила столько усилий, чтобы сформировать негативный образ императора, Наполеон вернул французам свободу прессы. Это было очень похоже на индульгенцию: казалось, Наполеон всех простил (оставим в стороне вопрос, насколько он был в этом искренен или хитрил).

Пожалуй, Франция за все предыдущие 15 лет не знала такой свободы говорить, что хочешь, и писать, что думаешь. Сто дней были временем неограниченной свободы прессы. Только в апреле было опубликовано более двухсот брошюр, половина из которых вышла из-под пера либералов. Против прессы было не сделано ничего, или почти ничего⁸¹. Свобода очень скоро стала всеобщей и весьма дерзкой.

Метаморфозы коснулись очень многих. Еще вчера единый либеральный фронт против Наполеона как «нового Кромвеля», теперь рассыпался. Используя выражение историка К. Мансерона, среди либералов в Париже после 18 марта имела место «всеобщая

⁷⁹ Цит. по: *Вильпен Д.* Указ. соч. С. 197, сноска.

⁸⁰ *Бутенко В.А.* Указ. соч. С. 166.

⁸¹ *Waresquiel E., Yvert B.* Histoire de la Restauration 1814-1830. Naissance de la France moderne. P., 1996. P. 115.

дисперсия»⁸². Либералы, во всяком случае частично, отказывались от решительного сопротивления Бонапарту и начинали даже питать надежды в отношении его политики⁸³. Б. Констан 19 марта еще предавал Наполеона анафеме, 14 апреля после двухчасовой беседы с этим «удивительным человеком» покинул Тюильри с поручением подготовить проект Конституции, а 20 апреля уже стал государственным советником⁸⁴. Сен-Симон также не был наказан за свой «Символ веры»⁸⁵ и даже получил награду от нового «либерального» наполеоновского режима: 15 апреля 1815 г. он, при посредничестве Лазара Карно, был назначен помощником библиотекаря в Библиотеку Арсенала⁸⁶.

Молодежь, вчера еще разделявшая республиканские настроения, сегодня уже кричит: «Да здравствует император!» Республиканскую прессу – газеты *Patriot de 1789* Меэ де ла Туша и более радикальную

⁸² *Manceron Cl. Napoléon reprend Paris. 20 mars 1815. P., 1965. P. 199.* Автор не слишком высокого мнения о либералах. По его мнению, это были «небольшие группы мужчин и женщин, поклонявшихся в своих сектах культу буржуазного парламентаризма, стимулируемого бредовой англоманией салонов». Либералы – «узкий замкнутый мир, небольшая масонская церковь умеренной демократии, чьими пророками называют Лафайета, Б. Констана, Ланжюине, Редерера, Сийеса, Лапласа, Ж. Шенье, Бартелеми, Буасси д'Англа и др. В эти дни они часто встречаются у мадам де Сталь, совершенно счастливой от того, что смогла вновь стать главой салонных революционеров <...> Разумеется, весьма яркие, отливающие всеми цветами и очень важные, они будут впечатлять историков, потому что умели хорошо писать и говорить, особенно в своем кругу. Они ни на дюйм не продвинули Историю». См.: *Ibid. P. 199, 201.*

⁸³ *Sauvigny, G. B. de. La Restauration. P., 1974. P. 106 et suit.*

⁸⁴ Свое поведение Б. Констан объяснил уже в «Mémoires sur Cent-Jours en forme de letters avec des notes et documents inédits», первая часть которых увидела свет в 1815 г. Как отмечал А. Гуйе, аргументы Б. Констана «отражают чувства, испытываемые большей частью либералов: принимать Наполеона, когда речь идет о свободе, о национальной защите, об опасности роялистской реакции, пользоваться в то же время событиями, чтобы реставрировать монархию по хартии». См.: *Gouhier H. La Jeunesse d' Auguste Comte et la formation du positivisme. T. III. Auguste Comte et Saint-Simon. Paris, 1941. P. 101, note.*

⁸⁵ «Хорошо уже было то, что Наполеон, узнавши, что Сен-Симон не вмешивается в политику, приказал его не трогать, хотя он и поучал его отказаться от завоеваний». См.: *Беляев А. Предшественники Огюста Конта о прогрессе // Вера и разум. 1903. Кн. 1. С. 24.*

⁸⁶ В память об этом событии Анфантен позднее завещает Библиотеке Арсенала сенсимонистские бумаги, где они хранятся и поныне. Датой назначения Сен-Симона на этот пост разные авторы указывают то 10 апреля, то 15 апреля 1815 г. По-видимому, дело в том, что 10 апреля 1815 г. Лазарь Карно уволил двух помощников библиотекаря, неких Андрэ (André) и Ранше (Rancher), назначенных еще аббатом Монтескью (Montesquiou), и предложил высвободившиеся должности Сен-Симону и Шарлю Дювалю (Duval). Последний отказался и на его место 12 апреля был назначен писатель и врач Рубо (Roubaud). Назначение же Сен-Симона состоялось 15 апреля. См.: *Martin H. Histoire de la Bibliothèque // Catalogue générale des manuscrits des bibliothèques publiques de France, Paris, Bibliothèque l' Arsenal. T. 8. P. 554.* См. также: *Гладышев А.В. Протекция по-французски // Диалог со временем. Вып. 9. М., 2002. С. 213-227.*

*Le Père Nicolas, ami du peuple*⁸⁷ – «Цензор» открыто обвинял в малодушии. Союз Наполеона в 1815 г. с либералами был браком по расчету: «Либеральная школа, вечно находившаяся на задворках политической истории, брошенная в тюрьму монархией, гильотинированная Республикой, изгнанная Империей, вдруг приобретает небывалое расположение общества»⁸⁸.

Однако мнения либералов, мягко говоря, разделились. Например, Лафайет так и не поверил в Империю, исправленную и подкорректированную Б. Констаном, а «Цензор», вчера еще критиковавший Бурбонов, сегодня отказался идти на службу и Наполеону.

Фуше предложил Конту и Дюнуайе возглавить *Moniteur*, а затем и вообще любые должности, которые они только захотят. Однако редакторы «Цензора» не только отказались, но и перешли в оппозицию режиму, который они в номере от 20 апреля квалифицировали как «временный». В «Цензоре» была помещена статья Ш. Конта «Общий обзор современного правительства»⁸⁹, где говорилось, что правительство Бурбонов было легитимным, что общественное мнение отвергло Бонапарта и приняло Хартию, которая, впрочем, могла бы быть улучшена. «Нынешнее правительство – правительство только *временное*. Не важно, что Наполеон провозглашен императором армией и населением тех областей, через которые он прошел, не важно, имеют или нет правительства стран коалиции согласие относительно того, как поступить по отношению к нему: Франция не принадлежит ни солдатам, ни жителям тех областей, что расположены по дороге от Канн до Парижа»⁹⁰. Конечно, когда стране угрожают, население должно сплотиться вокруг правительства, но, как подчеркивает Ш. Конт, Франции еще только предстоит получить окончательную форму своего политического режима от «собрания представителей народа», обсуждение которыми политической формы будущего режима должно быть свободно от всякого влияния⁹¹. В том же номере появилась статья «О созыве избирательных коллегий», подписанная уже знакомыми нам инициалами G.F.⁹². В ней говорилось, что Франция пока еще находится

⁸⁷ *Journal de l'Empire* обращал внимание полиции на еще одно республиканское «ядовитое» издание – «*Lys*» («Лилия»). Однако Атэн отмечает, что лично он не видел ни *Le Père Nicolas, ami du peuple*, ни *Lys*. Возможно, в последнем случае речь должна идти об издании *Lynx* («Рысь»), которую выпускал тогда Ригонер Базен. – См.: *Hatin E.* Op. cit. P. 126-127.

⁸⁸ *Вильне Д.* Указ. соч. С. 293.

⁸⁹ *Censeur.* 1815. Т. 5. P. 273-292.

⁹⁰ *Ibid.* P. 291.

⁹¹ *Ibid.* P. 292.

⁹² *Ibid.* P. 293-304. Эта подпись встречается и под многими другими статьями «Цензора».

в состоянии анархии, не имеет еще легитимного правительства и конституционной власти, подобной Учредительному собранию, а Наполеон – не более чем спонтанно избранный «диктатор».

Атэн назвал эту позицию для тех условий «не очень умной и не очень патриотичной»⁹³. Его недовольство вызвали, в частности, следующие строчки из «Цензора»: «Что такое слава? Лев, заставляющий трепетать всех зверей окрест, обладает ли он славой? Отверженный народ, <...> способный принести своим соседям только страх или голод, славен ли он? Если верно, что слава – удел исключительно людей, ставших знаменитыми своими благодеяниями по отношению к ближним, то в чем состоит слава народа-завоевателя? Эти вопросы без сомнения будут решены, когда нам надоеет болтать попусту»⁹⁴. Подобные нападки на режим Ста дней осудил и Волабель: «Люди, которые накануне Ватерлоо в подобных выражениях ратовали за неограниченную свободу прессы, как и те, кто одобрял этих убогих трусов, приняли тогда название “либералы”, каковое они сохранили и в период Второй реставрации»⁹⁵.

Атэн, «ради справедливости», отмечает, что номер, содержащий «подобное убожество», был арестован, но дело никакого продолжения не имело (хвала императору!), и «Цензор» до конца Ста дней вполне свободно проповедовал свои оппозиционные взгляды⁹⁶. Мы же, со своей стороны, сошлемся на сам «Цензор», в котором говорилось, что когда в начале апреля Фуше распорядился конфисковать очередной выпуск издания, лишь вмешательство Констан (хвала государственному советнику!) положило конец преследованиям⁹⁷.

Олицетворением нового наполеоновского конституционного режима стал «Дополнительный акт к конституциям Империи», опубликованный в *Moniteur* 22 апреля⁹⁸. Реакция общественности на этот документ была двусмысленной: для одних он оказался слишком либерален, для других, наоборот, недостаточно либерален, кого-то в нем смущали черты Первой Империи, кого-то – Старого Порядка.

Либералы критиковали Дополнительный акт за недостаточные гарантии политических свобод. В десятках брошюр, появившихся в последние дни апреля, критиковался институт пэров как «надругательство

⁹³ *Hatin E.* Op. cit. P. 127.

⁹⁴ Цит. по: *Hatin E.* Op. cit. P. 128.

⁹⁵ *Vaulabelle.* Op. cit. T. 2. P. 328.

⁹⁶ *Hatin E.* Op. cit. P. 129.

⁹⁷ *Censeur.* 1815. T. 5. P. 305-311.

⁹⁸ Политико-юридический анализ этого конституционного документа и восприятия его общественным мнением проведен Леоном Радиге. См.: *Radiguet L.* L'Acte additionnel aux constitutions de l'Empire du 22 avril 1815. Caen, 1911.

над нацией»⁹⁹. Волна энтузиазма сразу после публикации Дополнительного акта резко пошла на спад. Общественное мнение можно охарактеризовать словами «разочарование» и «подозрение». «Бенжамина», как называли новую конституцию по имени Констанана, не давала, по мнению многих, достаточных гарантий от установления Наполеоном нового деспотизма. С 22 апреля началась «война брошюр»¹⁰⁰. Силы ее участников были неравными. В историографии часто подчеркивается, что призывы объединиться вокруг императора, дабы противостоять реакционной Европе, были одиноки¹⁰¹.

Редакторы «Цензора» в апрельском номере указывали на лакуны, сделавшие, по их мнению, весь текст Дополнительного акта в целом «порождением тьмы» (*œuvre des ténèbres*): Палаты оставлены без права прямой законодательной инициативы, а Палата депутатов постоянно рискует быть распущенной. Накануне плебисцита по новой Конституции редакторы «Цензора» пропагандировали свой политический идеал: двухпалатный парламент, парламентское министерство, ограничение права монарха назначать членов наследственной верхней палаты, только суспензивное вето. С этих позиций критиковался и Дополнительный акт. В одном из номеров мы читаем: «Появилась новая Конституция. И общественное мнение сразу же восстало против акта, который, признавая внешне некоторые права, коими французы особенно дорожат, оставляет нации лишь незначительные средства для того, чтобы она могла этими правами воспользоваться. Один из главных пороков этого документа состоит в том, что он посредством дополнительных распоряжений разрушает содержащиеся в нем основные положения. Все наши права становятся предметом тяжбы благодаря возрождению многочисленных сенатус-консультов, сфабрикованных Государственным советом и теперь одобренных теми, кто противился их принятию, когда был свободен»¹⁰².

18 мая 1815 г. Сен-Симон и Тьерри выпустили брошюру, озаглавленную «Мнение о мерах, которые необходимо предпринять против коалиции 1815 года»¹⁰³. Исходя из идеи верховного суверенитета нации,

⁹⁹ Waresquiel E., Yvert B. Op. cit. P. 119.

¹⁰⁰ Как указывал В. А. Бутенко, только каталог Национальной библиотеки насчитывает около 600 брошюр, увидевших свет за три месяца правления Наполеона и написанных в большинстве случаев либералами, чтошний раз подчеркивает, какой успех имели в этот период либеральные идеи. См.: Бутенко В. А. Указ. соч. С. 198.

¹⁰¹ Д. Вильпен, возможно, излишне категоричен: «это глас вопиющего в пустыне». – Вильпен Д. Указ. соч. С. 328.

¹⁰² Цит. по: Вильпен Д. Указ. соч. С. 336, сноска.

¹⁰³ Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815, par Henri Saint-Simon et A. Thierry. P., 1815. Брошюра была кратко анонсирована в «Цензоре». См.: Сен-

авторы предложили, по сути, союз наций, а не правительств. Сен-Симон и Тьерри проводят ту же мысль, что и редакторы «Цензора»: во Франции еще нет действительно легитимной власти, полномочия правительства сейчас принадлежат нации, к которой авторы брошюры собственно и обращаются¹⁰⁴. Они считают, что возвращение Наполеона и сам факт его присутствия в Париже не гарантирует наведение порядка, что его власть станет реальной только в результате делегирования ему народного суверенитета. Развивая этот тезис, они выражают надежду, что граждане не только выберут оптимальные для страны государственные институты, но и установят принципы внешней политики: главное условие мира – англо-французский союз, что должно стать одной из статей Дополнительного акта. В последней главе брошюры авторы предлагают добавить к конституции Константа две «декларации»: Наполеон должен отказаться от политики завоеваний, Дополнительный акт должен рассматриваться не как собственно конституция, а как временный документ¹⁰⁵.

Результаты плебисцита разочаровали Наполеона: он получил поддержку только одного француза из пяти. Майский плебисцит дал самые плохие результаты, если сравнивать их с 1802 г. и 1804 г. Это не преминул отметить и «Цензор»: «Дополнительный акт» нельзя назвать конституцией, так как он «соединяет все виды власти в руках главы правительства и делает произвол принципом управления»¹⁰⁶. Голосование по Дополнительному акту лишний раз свидетельствует, отмечают редакторы, что масса народа его не одобряет¹⁰⁷.

3 июня начала свою работу Палата представителей, среди которых были люди, известные своими либеральными устремлениями – Лафайет, Ларошфуко-Лианкур, Гара, Теодор Ламет, Лафитт, Вуайе д'Аржансон, Делессер (Delessert), Дюшен (Duchesne) и многие др. Среди 629 депутатов насчитывалось 80 бывших бонапартистов и десятка четыре таких республиканцев как Барер, Камбон, Друэ. Громадное большинство депутатов исповедовало взгляды различных либеральных оттенков. Либералы превратились во Франции в доминирующую политическую силу. Это была самая либеральная палата во Франции с 1814 г. по 1830 г. включительно и с самой короткой историей: 19 дней. Инертность Карно и очевидная двойная игра Фуше в подготовке

seur. 1815. Т. 6. Р. 322. Переиздана в кн.: *Saint-Simon. Œuvres*. 1966. Т. 6. Р. 346-379; библиографические данные см.: *Saint-Simon. Œuvres*. 1966. Т. 1 (2). Р. 6-9.

¹⁰⁴ См.: *Ibid.* Р. 354-355.

¹⁰⁵ *Ibid.* Р. 379.

¹⁰⁶ *Censeur*. 1815. Т. 6. Р. 289.

¹⁰⁷ *Ibid.* 290-296.

выборов не остались без последствий: Палата сразу продемонстрировала свою враждебность Наполеону. Вместо предлагаемого Наполеоном Люсьена Бонапарта председателем избрали Ланжюине.

Историки почти единодушно (и не совсем справедливо) оценивают ее роль весьма критически. С первых же шагов Палата встала на путь пересмотра Конституции, но не успела завершить эту работу. «Цензор» усиленно пропагандировал на своих страницах проекты новой Конституции, обсуждавшиеся в Палате представителей. Письма Лафайета Констану иллюстрируют позицию либералов: установление абсолютных гарантий политических свобод и пересмотр Дополнительного акта в либеральном духе. Конституционные проекты в целом напоминали Конституцию 1791 г. Прямые нападки либералов на существующий режим также не заставили себя долго ждать: вопрос о его легитимности адвокат Дюпен поставил уже 5 июня. В столь же оппозиционном духе был составлен и адрес Палаты от 7 июня, где Наполеон расценивался как «наименьшее зло». Однако вся эта фронда не имела никаких практических последствий. К 11 июня, когда император собрался ответить на адрес Палаты, война его занимала уже гораздо больше, чем недовольство депутатов¹⁰⁸.

Палата представителей так и не создала ничего реального. В критический момент после поражения 18 июня при Ватерлоо она пошла на поводу у интригана Фуше и, не захотев сыграть роль Конвента, передала власть временному правительству. В этом смысле Ватерлоо имело даже гораздо более тяжкие политические последствия, чем военные. 22 июня Наполеон отрекся от престола. Что же касается характера будущего политического режима, то еще ничего не было решено: Людовика XVIII при возвращении в Париж сопровождали, с одной стороны, Жокур, барон Луи, Шатобриан, и сгруппировавшиеся вокруг Талейрана Лалли-Толандаль, Беньо, Мунье, Гизо, с другой – граф д'Артуа и его окружение. Эти два лагеря вновь сошлись лицом к лицу, как и в апреле 1814 г. Но между ними теперь оказался человек, который в 1814 г. был не у дел и теперь жаждал реванша, – Фуше, бывший министр полиции Наполеона. С 21 июня по 8 июля он был настоящим хозяином Парижа, и даже в окружении д'Артуа многие рассматривали его как «незаменимого человека». Вторая Реставрация во многом была делом его рук. Благодаря своим людям в Палате, ему удалось фактически отстранить депутатов от реального влияния на текущие события: по предложению Манюэля Палата 27 июня решила отложить все вопросы, не имевшие прямого отношения к

¹⁰⁸ *Waresquiel E., Yvert B. Op. cit. P. 121.*

Конституции¹⁰⁹. Проект Конституции был представлен 29 июня: ни по Хартии, ни по Дополнительному акту парламентарии не имели такой власти как по этому проекту. Обсуждение прервалось 7 июля, а на следующий день, с возвращением в Париж Людовика XVIII, Палата Ста дней свою работу прекратила.

Проект Конституции, составленная Гара и принятая Палатой 6 июня декларация принципов¹¹⁰, письмо протеста от 8 июля 53-х депутатов, объединившихся вокруг Ланжюине, – демонстрируют нам два новых политических феномена. С одной стороны, прежние якобинцы, а нынешние депутаты – бареры и камбоны – встали на защиту принципов, выдвигавшихся в 1789 г. их противниками – лафайетами и мунье. С другой стороны, либералы отныне оказались в связке с бонапартистами, чего не было в 1814 г.: подпись Ланжюине стоит рядом с подписью Реньо де Сен-Жан-д’Анжели. Второе отречение породило новую политическую реальность.

9 июля *Moniteur* опубликовала список новых министров: Талейран, Пакье, Гувийон Сен-Сир, Луи, Жокур, Фуше. Посты в министерствах заняли Гизо, Барант, Бекюи, Моле, Руайе-Коллар, Деказ. Это был, по выражению Ш. Ремюза, реванш конституционалистов. Несмотря на все усилия по созданию правительства единомышленников, на практике гомогенности добиться не удалось. Два с лишним месяца эти люди старались, как говорил Пакье, добиться от различных партий заверений в их миролюбии. Главной целью первых шагов правительства было окружить власть суверена, чей авторитет остался почти незапятнанным, максимумом гарантий и утвердить конституционную монархию английского образца¹¹¹. Но выборы 25 августа означали поражение правительственного курса: из 395 депутатов, только 33 были членами Палаты 1814 г. и 17 – членами палаты периода Ста дней, большинство же мест получили откровенные ультрароялисты.

Пресса не осталась в стороне. Ордонанс от 20 июля восстановил все ограничения, предусмотренные законом от 21 октября 1814 г. Несмотря на активность «Цензора» и на появление с благословения Фуше либеральной газеты *L’Indépendant*, тон задавала роялистская пресса – *Quotidienne* и *Gazette de France*. Восстановление по ордонансу от 8 августа предварительной цензуры газет и создание по ордонансу от 14 августа комиссии по цензуре не изменили по большому счету

¹⁰⁹ См.: *Waresquiel E., Yvert B.* Op. cit. P. 137.

¹¹⁰ Одна из статей гласила: «монарху не представляются реальные гарантии, если он не клянется соблюдать Конституцию, выработанную национальными представителями и принятую народом».

¹¹¹ См. ордонансы от 9 июля, 13 июля, 19 августа, 23 августа.

положение вещей. Не вступая в прямой конфликт с правительством, роялистские газеты уступили приоритет (а *Gazette de France* вообще перестала выходить с 16 августа) в критике «англо-революционного» кабинета Талейрана – Фуше соответствующим брошюрам, число которых росло день ото дня. 26 сентября 1815 г. на смену этому правительству пришло новое, возглавляемое герцогом Ришелье.

Когда Бурбоны вернулись во второй раз, был готов увидеть свет седьмой том «Цензора». Фуше, сохранивший и при Людовике XVIII тот же самый министерский портфель, который ранее ему доверил Бонапарт, вспомнил о былых разногласиях с редакторами «Цензора» и наложил арест на том, который был еще в печати. На этот раз все усилия издателей снять арест остались безрезультатны. Позднее они писали, что в тот момент никакая дискуссия оказалась невозможна: «Не будучи в состоянии войти в партию, которая, казалось, руководствуется в своих решениях только своей же яростью и, не желая поддерживать правительство, которое, когда надо было отстаивать справедливость, очень быстро продемонстрировало свою слабость, а когда атаковало конституционные принципы, то проявляло излишнее рвение, люди, не принадлежавшие ни к одной из фракций и не стремящиеся ни к каким милостям, не нашли ничего лучше как приговорить себя к молчанию»¹¹².

Когда же обстановка изменилась, в 1817 г. Ш. Конт и Ш. Дюнуайе вновь вернулись на политическое ристалище: «страсти еще не улеглись, но стали более сдержанными, что дало возможность обсуждать некоторые вопросы, представляющие общественный интерес»¹¹³. Второе пришествие «Цензора» продолжалось с февраля 1817 г. по апрель 1819 г. Теперь его полное название звучало так: *Le Censeur europeen, ou Examen de diverses questions de droit public et de divers ouvrages littéraire et scientifique considérés dans leurs rapports avec les progresse de la civilisation*¹¹⁴. Девиз издания отныне был «Мир и Свобода». Новое название газеты – *Censeur europeen* – подчеркивало, что газета хотя бы формально не претендует на критику исключительно французского правительства. Смелость мнений, горечь и сарказм обеспечили успех первому «Цензору». 400 страниц скандала – это был «золотой век» издания! Кое-что напоминало о былом и в обновленном варианте, но в целом *Censeur europeen* можно упрекнуть в излишней респектабельности и тяжеловесности.

---

¹¹² Hatin E. Op. cit. P. 281.

¹¹³ Ibid. P. 281.

¹¹⁴ См.: Harpaz E. Op. cit.

Редакторы заявили, что намерены дать совершенно новое направление своему изданию. «Люди слишком расположены думать, – писали теперь они, – что беды народов являются следствием изъянов Конституций и законов, но они в большей степени – следствие пороков самих народов, не представляющих себе ни как понимать свободу, ни как ею пользоваться, ни как ее защищать». Таким образом, Конт и Дюнуайе теперь в большей степени обращались не к правительствам, а к народам. Впрочем, обсуждение злободневных вопросов занимало теперь немного места в их издании и, если они и критиковали действия правительства, то их тон уже никогда не был столь же резким и обличительным, как прежде¹¹⁵. «Цензор» образца 1814 года – чисто либеральный журнал, боровшийся против ультра-роялистов и церкви, защищавший свободу прессы и принципы парламентаризма. В новом же «Цензоре» одно из центральных мест заняли экономические проблемы¹¹⁶. Можно даже сказать, что старый и новый «Цензоры» по своему духу два совершенно разных издания, хотя во главе их стояли одни и те же лица. Просто в период вынужденного молчания Ш. Конт и Ш. Дюнуайе открыли для себя политэкономия.

Несмотря на то, что редакторы старательно держались в рамках законности, 18 июня 1817 г. их арестовали по обвинению в попытке подорвать авторитет короля. В частности, их упрекали в перепечатке наполеоновских «Рукописей с о. Св. Елены», а немного позднее и работы «Победы и завоевания», привлечших большое внимание общественности¹¹⁷. Несмотря на поручительство таких влиятельных персон как Брольи, Лафитт, Терно, Лафайет, Траси, Констан, редакторов «Цензора» даже не выпустили на свободу до суда. Процесс над изданием имел общественный резонанс. Стойко державшиеся Ш. Конт и Ш. Дюнуайе были приговорены к годовичному заключению, трем тысячам франков штрафа, на пять лет лишались гражданских прав и помещались под надзор полиции. Правда, затем этот суровый приговор был смягчен и вместо года заключения осталось лишь три месяца. Оказалось, что среди анонимных статей, публикацию которых

¹¹⁵ Позиция их часто совпадала с позицией правительства. Они, например, энергично защищали закон о выборах не только от атак ультра-роялистов, но и от старых республиканцев, указывая, что всеобщее избирательное право приведет к анархии или деспотизму.

¹¹⁶ См., например, открывающую первый том *Censeur europeen* статью Ш. Конта «Размышления о моральном состоянии французской нации».

¹¹⁷ Либералы в тех условиях охотно апеллировали к наполеоновскому наследию: «Иностранная оккупация оживила их патриотические чувства, приучила беспрерывно ссылаться на победы Великой армии». См.: *Waresquiel E., Yvert B. Op. cit.* P. 232.

инкриминировали редакторам, две были направлены в «Цензор» издателем *Journal des Maires* Мирбелем (Mirbel), доверенным лицом самого Деказа. Несколько месяцев спустя дело и вовсе было прекращено¹¹⁸.

Неоспоримая заслуга издателей «Цензора» состоит в том, что они первыми в годы Реставрации осмелились публично исповедовать конституционные принципы во всей их полноте. Они принесли себя в жертву, чтобы показать на своем примере «возможности» действующего законодательства о прессе¹¹⁹. Ничто не могло запугать редакторов газеты, более того, с 15 июня 1819 г. она стала ежедневной и оставалась таковой пока в июне 1820 г., с изменением цензурной политики, не слилась с *Courier français*. Всего вышло 372 номера. Среди сотрудников нового «Цензора» были Сей, Шеффер, Дону, Курье. Издание стало знаменем всех тех, кто желал полного и немедленного политического усовершенствования, почти абсолютной свободы. Это был «ренессанс движения 89 года» с характерным для него теоретическим оптимизмом¹²⁰.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ – Вопросы истории
НиНИ – Новая и новейшая история
СВ – Средние века
ФЕ – Французский ежегодник
АНРФ – Annales historiques de la Révolution française
Annales – Annales: Économies. Sociétés. Civilisations. С 1994 года
Annales: Histoire, Sciences sociales.

---

¹¹⁸ Hatin E. Op. cit. P. 283-290.

¹¹⁹ Ibid. P. 294.

¹²⁰ Цит. по: Ibid. P. 291.